

Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлію склонить его къ униі.

(Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива) ¹⁾.

Необъяснимое равнодушіе и продолжительное колебаніе, съ которыми московскимъ правительствомъ были встрѣчены предложенія Богдана Хмельницкаго присоединить Малую Россію къ едино-вѣрной и единоплеменной Великой Руси, не могли не повліять какъ на ближайшія событія внутренней политики въ Малороссіи, такъ и на сношенія ея—съ одной стороны, съ Москвою, которая не признавала въ южанахъ родственности, называя ихъ черкасами, а на счетъ чистоты ихъ православія выражала весьма недвусмысленныя сомнѣнія, и съ другой—съ сосѣдней Польшею, которая все еще не теряла надежды соблазнить отпавшихъ обѣщаніями и, при пер-выхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить ихъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію также, что трехвѣковое разьединеніе двухъ областей русскаго народа, сосѣдство и даже сожителство Мало-

¹⁾ Къ сообщеннымъ мною равнѣе сего документамъ (см. «Кіевская Старина», февраль 1883 г.) считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія. Въ документѣ 2-мъ вмѣсто названія: «*Торканы*» должно быть «*Тороканы*». Изъ актовъ, относящихся ко временамъ митрополита уніатскаго Гавріила Коленды и дальнѣйшихъ, видно, что тороканскій монастырь былъ первоначально въ вѣдѣніи митрополитовъ и епископовъ и что только, по особымъ постановленіямъ соборній жаровицкаго и новгородскаго, доходы съ имѣній, принадлежащихъ этому монастырю, или часть ихъ, давались протоархимандриту, какъ главному начальнику базилянскихъ монастырей, или же его викарію, а иногда и вообще базилянскимъ монахамъ. На владѣніе и распоряженіе общими доходами испрашивались особыя королевскія грамоты (напр. у Яна Казимира въ 1662 г.), а права пользованія отдѣльными доходами по статьямъ опредѣлялись на особыхъ собраніяхъ духовенства. Напрям., вступивъ въ управленіе Тороканскими имѣніями, Гавріиль Коленда (на собраніи членовъ конгрегаціи), изъ уваженія къ базилянскому ордену, предоставилъ пожизненное пользованіе доходами отъ этихъ имѣній частію генеральному викарію ордена,

россиі съ шляхетской Польшею не могли не оставить въ южнорусскихъ такихъ особенностей въ складѣ общественной жизни и политическихъ возрѣніяхъ, такихъ разнообразныхъ чертъ въ ихъ характерѣ и симпатіяхъ, которыя менѣе всего могли теперь гармонировать со складомъ малоподвижной московской жизни, съ самоувѣренностію и безцеремонностію ея боярства и духовенства. Но, къ счастью, даже инстинктивное пониманіе въ массахъ выгодъ единоплеменнаго и единовѣрнаго сближенія было столь сильнымъ двигателемъ и возбуждателемъ политическаго сознанія и указателемъ общегосударственныхъ задачъ, что, не смотря на вышесказанное, на частныя недоразумѣнія, раздоры, нареканія и даже возстанія, здоровое большинство было всегда за единеніе, за общерусскую цѣльность и вывело на своихъ плечахъ вопросъ о соединеніи разрозненныхъ частей русскаго народа. Вѣковая кровавая борьба съ ляхами въ заднѣпровской части, временно снова отторгнутой отъ Россіи, ясно говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ были народныя симпатіи. Аристократическій строй польскаго государства, въ ко-

частію-же монашескому чину и бытскому духовенству; а при ятрон. Завовскомъ часть доходовъ шла даже и на братскій монастырь. Протоархимандритъ или генералъ монашеской конгрегаціи избирался изъ духовныхъ лицъ, при чемъ, записъ это не могло быть предоставляемо ни ятрополитамъ, ни епископамъ, на основаніи декретовъ палъ Александра VII-го и Инокентія XI-го; тѣмъ не менѣе, отлученія отъ этого закона бывали. Самая должность протоархимандрита установлена въ 1617 году на духовномъ новгородскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ и по предложенію Веніаміна Рутскаго. Въ спискѣ протоархимандритовъ, составленномъ Стебельскимъ, послѣднимъ стоитъ Іосифъ Моргулецъ; но извѣстно, что, послѣ его смерти въ 1786 г., эту должность занималъ вторично Важинскій изъ Жидичина, (базиліанскій св. Николая монастырь близъ Лунка на р. Стыри, упоминаемый еще при Давидѣ Галлицкомъ). Послѣ Важинскаго, назначеннаго въ 1790 г. на мѣсто Ростовскаго епископомъ холмскимъ, должность протоархимандрита исполнялъ Максиміанъ Вльчипскій. Въ 1796 г. должность эта уничтожена императрицею Екатериною II-ю, а въ царствованіе императора Павла опять восстановлена, и въ 1802 г. на базиліанской конгрегаціи, подъ предсѣдательствомъ брестскаго епископа Булгака, въ протоархимандриты избранъ былъ Юстинъ Гусачовскій. Очевидно, этому послѣднему и принадлежатъ *письмо*, помѣщенное въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины», такъ какъ высочайшимъ указомъ 5-го мая 1804 г. должность базиліанскаго генерала навсегда была уничтожена. Что-же касается замѣтки *Pro memoria* (см. тамъ-же), то это, вѣроятно, записка Геронтія Лисовскаго, помышлявшаго (послѣ третьяго раздѣла Польши) объ оживленіи и расширеніи униі, переведенная съ польскаго языка на латинскій холмскимъ епископомъ Важинскимъ, (отошедшимъ съ своею епархіею къ Австріи) и препровожденная имъ въ Вѣну на имя представителя униатскихъ епископовъ, жившаго здѣсь постоянное пребываніе. (Harasiewicz: Annales ecclesiae Ruthenae).—В. М.

торомъ все принадлежало непогимъ избраннымъ, массы-же народа, особенно иновѣрныя, трактовались какъ безправное *быдло*, не могъ конечно возбуждать особенныхъ симпатій въ козакахъ, приученныхъ самую жизнь къ братству, равноправности и полной свободѣ. Малообразованность тогдашняго московскаго боярства, приниженность его передъ сильной самодержавной властью со временъ Василия III-го и Иоанна IV-го, само-собою разумѣется, не особенно возвышала его надъ другими сословіями и не вносили большой *разницы* въ отношенія этихъ сословій другъ къ другу и государству. Вотъ почему социальный строй московской Руси, уже помимо единства происхожденія и единства вѣры, какъ будто ближе подходилъ къ такому-же строю Малороссіи и болѣе естественно казалась связь этихъ частей древней Руси между собою и ожидалась большая прочность ихъ политическаго единства. Въ утѣшеніе современнымъ польскимъ политикамъ можно сказать и теперь, что ихъ сладкія пѣсни, ихъ заигрыванія могутъ быть пріятны только отдѣльнымъ, немногимъ и недалекониднымъ лицамъ, утратившимъ народное чутье и не знающимъ или не понимающимъ исторіи; въ истинныхъ-же представителяхъ народныхъ интересовъ и въ массахъ населенія такіа подходы и обѣщанія вызываютъ только улыбку или трудно сдерживаемое неудовольствіе. Все лучшее и истинно-народное будетъ всегда на сторонѣ православія и Бѣлаго Царя.

Къ сожалѣнію въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лица, стоявшія во главѣ московскаго управленія, замкнутыя въ волшебномъ кругѣ самоувѣренности, о единоплеменности присоединяемаго народа не помнили, считали его черкасскимъ племенемъ, задачи государственныхъ широка не понимали и даже въ самой вѣрѣ присоединявшихся усматривали такіа еретическія особенности, что не только съ большимъ недоуверіемъ относились къ южному духовенству въ Москвѣ, когда оно являлось туда, какъ болѣе образованное, въ качествѣ учителей, но неблагоприятно смотрѣли на него и по присоединеніи Малороссіи, осуждая церковные порядки и тѣ незначительныя отступленія отъ формы восточной, которыя, насколько не измѣняя чистоты и сущности православія, были слѣдствіемъ сосѣдства съ Польшей и слѣдствіемъ религіозной всенародной борьбы съ латинствомъ во время введенія униі. Какъ-бы то ни было, во неудовольствія въ области политики и церковныхъ

дѣлъ до такой степени въ это время выдвинулись и настолько усилились, что уже при пріемникѣ Богдала Хмельницкаго, Иванѣ Выговскомъ въ Малороссіи является серьезная попытка отложенія отъ Москвы и соединенія съ Польшей (такъ называемый гадячскій договоръ). Съ другой стороны и московское правительство какъ-бы тяготилось новымъ приобрѣтеніемъ и не задумалось впослѣдствіи уступить Польшѣ, какъ лишнее бремя, западную, заднѣпровскую часть его. Одновременно съ этимъ и вопросъ о единствѣ церкви и подчиненіи кіевской митроноліи московскому патріарху, возникшій вновь по смерти митронол. Сильвестра Коссова, съ одной стороны — вслѣдствіе желанія избрать митрополита по давнему обычаю вольными голосами, а съ другой — вслѣдствіе требованія замѣнить избраніе назначеніемъ отъ московскаго патріарха, обострился до такой степени, что грозилъ совершеннымъ разрывомъ въ русской церкви. Такимъ паталуднымъ положеніемъ дѣлъ внимательное польское правительство не замедлило воспользоваться. Въ политическомъ отношеніи, какъ выше сказано, начались переговоры съ Выговскимъ при помощи посла Беневскаго; Рѣчь Посполитая не скупилась на обѣщанія расширенія прежнихъ правъ, полной автономіи проектируемаго „Великаго Княжества Русскаго“ и распространенія шляхетскихъ привилегій на всю козацкую старшину. Это правиломъ конечно старшинѣ, но мало могло нравиться козакамъ вообще, а посполитымъ въ особенности. Въ религіозно-церковномъ отношеніи попытки къ соглашенію сдѣланы были представителями латино-польскаго духовенства. Архіепископъ гнѣзненскій и униатскій холмскій епископъ Яковъ Суна писали посланія къ представителямъ гетманскаго правительства, изъ которыхъ одно (Суна къ Выговскому) и приводится ниже въ переводѣ. Посланія эти отбѣняли разницу между *русской* православной вѣрой и *московской*, по ихъ словамъ, вѣрой еретической, съ новымъ главою церкви, не существовавшимъ прежде русскимъ патріархомъ. Разумѣется *унія* кстати выставилась, какъ лучшій видъ и образецъ православія. Епископъ Суна человекъ умный и образованный, но совершенно ополяченный) быть сторонникъ польскаго правительства и римской опеки. Правда, противъ покушеній латинства олъ защищаль свою униатскую епархію и паству, но это дѣлалъ только въ видахъ матеріальныхъ выгодъ и желанія сохранить тѣ выгоды для духовенства льготныя особен-

пости, которые еще оставались в униатской церкви нетронутыми, наприм. супружеское сожителство духовенства... Въ своемъ посланіи къ Выговскому Суша съ большими натяжками и риторическою искусственностію распространяется о единствѣ церкви вообще, о ея единой главѣ и значеніи римскаго первосвященника, какъ непосредственнаго пріемника власти верховнаго апостола Петра, которому одному будто-бы поручено было пасти овецъ стада Христова. Невѣрные факты приводятся, какъ непереложныя истины, освѣщаются соответственно цѣлямъ и изъ искусственнаго сопоставленія ихъ дѣлаются выводы съ іезуитскою хитростію. Къ сожалѣнію въ связкѣ, хотя и хорошо сохранившихся польскихъ и латинскихъ рукописей XVII и XVIII вѣка, намъ не удалось найти конца этого интереснаго посланія. Все оно писано до такой степени мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, что читать его приходилось съ большимъ трудомъ и то при помощи лупы. Весь текстъ письма испещренъ латинскими словами, какъ признакомъ учености, латинскимъ текстомъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ этого требовали приемы богословскаго разсужденія, и наконецъ выдержками изъ отцевъ церкви, какъ доказательствомъ истинности сужденія. При этихъ выдержкахъ часто упоминается о томъ, что онѣ взяты изъ книгъ *славянскаго* письма, т. е. такихъ книгъ, которыя могли быть доступны тѣмъ читателямъ, для которыхъ письмо это предназначалось. Въ концѣ прочитаннаго мною текста письма есть приписки другимъ почеркомъ, которыхъ вполне прочесть никому не удалось. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что посланіе Суши указывало далѣе за изложеніемъ приведеннаго приступа на разницу между вѣрою русскою, т. е. вѣрою населенія южной Руси, находившейся до сихъ поръ въ формальной церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и вѣрою населенія Руси московской, гдѣ былъ особый, не бывалый прежде, свой патріархъ, гдѣ происходили тогда *нестроенія* и начинался *расколъ*. Не упустилъ конечно случая Суша указать и на полную будто-бы свободу совѣсти въ церкви римской въ польскомъ государствѣ (какъ это высказывалъ польскій посолъ Бепевскій въ Гадячѣ¹⁾). Было-ли послано приводимое письмо Суши по назначенію, какое произвело оно впечатлѣніе и

¹⁾ Костомаровъ, Монографія, т. II, стр. 126—128.

какія имѣло послѣдствія и успѣхъ, намъ опредѣленно не извѣстно. Но съ большимъ вѣроятіемъ можно полагать, что оно было дѣйствительно послано, тѣмъ болѣе, что въ сочиненія извѣстнаго галицкаго ученаго о. А. Петрушевича: „О святителяхъ холмской епархіи“ упоминается еще и о другомъ письмѣ (или экземплярѣ), которое Суша послала Чайковскому, чтобы и съ этой стороны подействовать на Выговскаго съ цѣлію склонить его къ униі. Такимъ образомъ можно предполагать, что для успѣха намѣченнаго дѣла были приняты все мѣры, испробованы все пути и предусмотрены все обстоятельства, кромѣ... здраваго человѣческаго смысла и горькаго историческаго опыта въ людяхъ, въ которыхъ обрѣцались.

Письмо пресвященнѣйшаго и блаженнѣйшаго епископа холмскаго Якова Суши къ сизматнику Выговскому, козацкому гетману и кievскому воеводѣ.

(съ польско-латинскаго).

Високоблагородный господинъ, вождь войска запорожскаго,

Милостивый государь!

Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ настоящимъ моимъ письмомъ, я уже въ самомъ началѣ чувствую затруднительное положеніе отъ незнакомства съ вами, ибо оно обыкновенно производитъ недовѣріе къ людямъ; однакоже геній мудрыхъ и высокопоставленныхъ лицъ имѣетъ то особенное свойство, что, при обсужденіи вопросовъ общественнаго блага, и къ незнакомымъ являетъ надлежащее довѣріе. Поэтому я обращаюсь теперь къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое вы мнѣ изволили внушить, какъ мужъ опытный и умный въ войнѣ и мирѣ, обращаюсь затѣмъ, чтобы, отъ души пожелавъ вамъ небесной росы и обилія земли (Быт. 22), прибавить съ моей стороны хотя малую частицу къ тому миру, который вы намѣрены теперь упрочить въ государствѣ. Восхваляю Всевышняго за то, что Онъ, послѣ столь мрачныхъ раздоровъ, послѣ столь страшныхъ кровопролитій, дозволяетъ намъ видѣть восходящее солнце этого мира, прекращающее въ странѣ кровавые приливы и отливы, подобно какому нибудь Эврипу¹⁾.

¹⁾ Евріпу — проливъ между островомъ Эвбеей и материкомъ Греціи. — В. М.

И дай Богъ когда нибудь, при нашемъ покровительствѣ, вкусить плодовъ этого мира во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества! Но, когда уже по меньшей мѣрѣ превратилась междуособная война, начинается война религіозная противъ *единства* вѣры и всюду кричатъ объ уничтоженіи *его*, всюду возстаютъ на него, какъ на Іону, и велятъ бросить это единство въ море вмѣстѣ съ Іоною. Приходится этому *единству*, этой дщери одного отечества и святой католической вѣры, воскликнуть съ Пророкомъ: „я ждалъ добра и пришло ко мнѣ зло, я ждалъ свѣта и явился мракъ; мои внутренности кипятъ и не перестаютъ; встрѣтили меня дни печали“ (Говъ, 30). Но волны и рыданія, высоко поднявшіяся, надо успокоить. Я привожу здѣсь слова учителя церкви, блаженного Августина: „пусть устаканутъ душевныя волненія, пусть прекратятся пристрастные разсужденія, пусть будетъ одинъ Христосъ распятый на крестѣ!“ А васъ, милостивый государь, всепокоряѣйше прошу: сохраняя въ спорныхъ дѣлахъ свое мнѣніе, обратите ваше вниманіе на Спасителя нашего, распятаго на крестѣ, и на сущую истину, благоволите милостиво и внимательно разсмотрѣть все то, что я здѣсь, хотя и слишкомъ подробно, пишу, притомъ примите во вниманіе и то, что укажетъ Богъ, совѣсть и справедливость.

Съ давнихъ временъ мы сильно желали переговорить съобща съ нашею не принадлежащею къ униі братією, надѣясь, что когда выяснится въ этой бесѣдѣ одно только истинное благо, никто не станетъ возбуждать противъ насъ людей; но до сихъ поръ мы къ этому стремились напрасно. А между тѣмъ извѣстно, что святые отцы всѣ возникавшіе въ церкви Божіей споры рѣшали на собраніяхъ *съобща*. И если являлся даже самый упрямый еретикъ, то онъ не раньше присуждался къ наказанію, какъ по выслушаніи и осужденіи церковью; конечно, таково право и народовъ, что никого не наказываютъ, покажутъ не разслѣдуютъ въ чемъ дѣло. Почему-же намъ, находящимся въ такомъ положеніи, отказывать въ законной защитѣ?

Мы слѣдуемъ вѣрѣ Христовой, опредѣленной св. писаніемъ и св. отцами; чѣмъ-же мы виноваты, что *единъ* Спаситель основалъ *единую* церковь, а *не многія*? „Ты еси камень (Петръ) и на этомъ камнѣ созижду церковь Мою (Матѣ. 16)—*церковь*, а не *многія церкви*! И того-же святого Петра назначилъ (Онъ) верховнымъ по Себѣ пастыремъ,

а не всѣхъ апостоловъ: „паци агницевъ Моихъ, паци овецъ Моихъ“, (Іоан. 21), т. е. *оствх* агницевъ и овецъ, которые нынѣ есть и носѣтъ будутъ, „да будутъ овцы и агницы Моя, и ты будь ихъ пастыремъ“. Но такъ какъ въ то время, когда это говорилъ Господь, едва-ли были еще какіе либо овцы и агницы, кромѣ апостоловъ, то (значить) онъ преимущественно св. Петру поручилъ пастн апостоловъ. Поэтому если апостолы—овцы и агницы Христовы, какъ это дѣйствительно и есть, то св. Петръ въ силу вышеприведенныхъ словъ: *паци*... дѣйствительно и безпрекословно ихъ пастырь. Ежели-же они не овцы и не агницы, то почему мы ихъ считаемъ святыми? а такъ какъ тотъ-же Спаситель сказалъ: „вотъ Я съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка“, (Матв. 27) т. е. съ церковью, которая есть собраніе вѣрующихъ съ законнымъ главою, то (значить) Онъ основалъ и церковь свою до скончанія вѣка и притомъ такую, какою была она при Его жизни. А церковь при жизни Его была *единая* (unica); при жизни своей Онъ назначилъ пастыря для церкви тоже *единого* (unicum); изъ чего слѣдуетъ, что и по смерти Его церковь *едина* и пастырь *единый* и никто иной, какъ только св. Петръ, а носѣтъ него—его преемники. Этотъ первѣйшій апостолъ и пастырь со своими овцами, другими апостолами—пастырями другихъ людей—какъ глава со своими членами, въ то время составлявшими церковь Божию, передавъ намъ символъ вѣры, который мы громко и всенародно будемъ провозглашать и исповѣдывать до скончанія вѣка, основываетъ *единую святую и апостольскую вселенскую церковь*, въ то время, какъ другіе основываютъ *частныя* столицы. Онъ первоначально основываетъ патриархію въ Антиохіи лѣта Господня 39; оставивъ и назначивъ здѣсь преемникомъ своей власти Евдоксію, отправляется въ Римъ и тамъ основываетъ *свою* столицу лѣта Господня 45; отсюда одновременно отправляетъ св. Марка въ Александрію и въ Александріи основываетъ александрійскую патриархію. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ городахъ основаны св. Петромъ первыя святыя столицы, изъ которыхъ Антиохія была главою азіатскихъ государствъ и всего востока: „государствъ, находящихся на востокѣ глава и мать“ (Хризостомъ). Александрія была главою государствъ африканскихъ и южныхъ египетскихъ, „представляя собою главенство не только въ Египтѣ, но и въ Фивахъ и Ливіи“

(Cicero). Римъ-же былъ главою не только западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ государствъ, но и всего міра: „городъ (Urbs) Римъ владыка и столица міра“. Посему и св. Петръ, принимая духовное ко временному ¹⁾, при помощи упомянутыхъ патріархій, распространилъ власть свою на всѣхъ овецъ цѣлаго міра. Наконецъ, положивши за вѣру голову свою въ Римѣ, онъ оставилъ его (Римъ) первопрестольною своею столицею и пріемникамъ своимъ римскимъ епископамъ передалъ на вѣчныя времена власть свою—вселенскаго паствыртства, данную ему Христомъ для того, чтобы единая Христомъ основанная церковь имѣла единого пастыря до скончанія вѣка. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что такъ какъ Спаситель умеръ въ Іерусалимѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что власть Христова должна остаться при іерусалимскихъ Его пріемникахъ; но въ св. писаніи нѣтъ ни буквы, ни намека на то, чтобы Спаситель передалъ власть свою св. Іакову іерусалимскому, хотя самъ тамъ и умеръ. Между тѣмъ о св. Петрѣ сказано ясно и свѣтлѣ солнца, и гдѣ онъ (Петръ) умеръ, тамъ и власть, дарованная ему Христомъ, осталась и излилась на всѣхъ его пріемниковъ. Вотъ почему св. Іоаннъ Златоустъ (обращаясь къ св. отцамъ) въ 54 Hom. sup. Math. говоритъ: „Христосъ этими словами возвысилъ Петра, назначая его паствыремъ всего міра и, давши ему ключи, передалъ смертному человѣку власть во всемъ, что находится на небесахъ“. А знаменитый своими сочиненіями подражатель Хризостома Теофилактъ (sup. Іоан. 21 въ славянскомъ текстѣ, зачалъ 64) говоритъ: „поручилъ Христосъ Петру власть надъ всѣми и хотя престоль іерусалимскій получилъ Іаковъ, но Петръ—весь всемірный“, а власть эта св. Петра такова, что она излилась на его пріемниковъ римскихъ епископовъ и нѣтъ ничего вѣрнѣе этой истины у св. отцовъ. Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій, пишетъ къ римскому папѣ Адриану: „божественный апостоль Петръ, котораго столицу наследовало твое братское святѣйшество, отвергъ Сямона мага, отвергъ и ты симоніанъ... такъ твое братское архіерейство священно и законно и, по волю Божіей облеченное архипастырскимъ священствомъ, пользуется знаменитѣйшею славою“. Здѣсь кетати замѣчу, какъ несправедливо наши, не знаю почему,

¹⁾ Accommodans spiritualia temporalibus (соглашал).—В. М.

утверждаютъ въ краткомъ намѣмъ молитвословѣ 25 февраля (in Vigilia nostro), будго-бы сказанный Тарасій упрекаль означеннаго папу въ симоніи; но если онъ хвалить его такъ, что называетъ Петромъ и приписываетъ ему изложеніе симоніанъ, то очевидно онъ совсѣмъ не упрекаетъ его въ симоніи. Изложивши это для свѣдѣнія и руководства при соответственныхъ обстоятельствахъ, я возвращаюсь къ моему предмету и привожу нѣсколько словъ Феодора Студита, который жилъ во времена иконоборцевъ и такъ пишетъ къ папѣ св. Льву: „спаси насъ, верховный пастырь церкви всемірной, мы погибаемъ“; и къ папѣ Пасхалису: „выслушай насъ, глава апостольскій, Богомъ назначенный пастырь овецъ, стражъ царства небеснаго, камень вѣры, на которомъ воздвигнута каеолическая церковь, ибо ты еси Петръ, украшаешь столицу Петрову и управляешь ею“. Такое главенство подтверждаютъ всѣ соборы, на которыхъ римскій епископъ или самъ лично председательствовалъ, или-же его посланники, даже простые монахи; и, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, славянскій текстъ гласитъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ: „предсѣдателями этой священной рати были: Адрианъ, папа римскій, который на свое мѣсто выслалъ благочестиваго іеромонаха и игумена римскаго монастыря св. Саввы—Петра, а также Іоанна и Фому іеромонаховъ, правящихъ восточными патріаршими столицами, сверхъ того съ ними были константинопольскій патріархъ Тарасій“. Считаю лишнимъ просить васъ замѣтить, что эти полномочные монахи и пресвитеры, также какъ и апостольскіе делегаты у разныхъ государей, правили восточными апостольскими патріаршими столицами.

Для объясненія и подтвержденія всего этого, я привожу здѣсь по славянски слова кареатенскаго собора; „были притомъ съ сѣмъ отцами на этомъ соборѣ и стражи мѣста (custodes loci), выславные римскимъ первосвященникомъ; стражами-же они называются потому, что высылаются первосвященникомъ въ разные страны и государства, дабы исполнить данныя имъ порученія и, заступая его мѣсто, пользоваться почестію ему воздаваемою, заботясь объ истинной вѣрѣ и охраняя ее во всѣхъ краяхъ. Столицу апостольскую назвали римскимъ престоломъ, такъ какъ глава апостоловъ Петръ на немъ прославился и послѣ себя назначилъ на немъ первосвященникомъ Ливуса“. Не говорю здѣсь о томъ, какъ римскіе епископы однихъ патріарховъ низвергали, другихъ

назначали, какъ къ нимъ выслалъсь агнеліацин по разнымъ обидамъ и спорнымъ дѣламъ, какъ безъ ихъ согласія не созывались и не утверждались соборы. Всѣмъ этимъ переполнены церковныя исторіи, соборныя акты, наши сборники такъ, что столько Иліадъ (Iliades) даже трудно собрать въ одно цѣлое.

Но здѣсь уже и начало несчастій св. церкви нашей, на которое надо указать, какъ будто указывая пальцемъ. Когда послѣ языческихъ тирановъ Господь далъ церкви христіанскихъ государей и когда человѣческое благоволеніе обратилось къ Іерусалиму, освященному кровію Спасителя, то вскорѣ появился канонъ (7 постановленіе): „епископъ Азіи долженъ пользоваться *почетомъ*, при сохраненіи самостоятельности палестинской митрополи“. (Императоръ Элій Аоріанъ называлъ Іерусалимъ Азією и возобновилъ разрушенный городъ). Хотя нѣкоторые изъ этого (канона) заключаютъ, что іерусалимскій епископъ немедленно былъ исключенъ изъ юрисдикціи и кесарійскаго и палестинскаго митрополита и былъ самостоятельнымъ патріархомъ, однако другіе говорятъ, что хотя онъ пользовался почетомъ, но все таки находился въ подчиненности своему митрополиту въ антиохійской патріархіи, что соблюдалось и во времена св. Іеронима. И хотя потомъ Ювеналій іерусалимскій на эфесскомъ вселенскомъ соборѣ старался о томъ, чтобы ему подчинялась вся Палестина, однако св. Кириллъ этому воспротивился и только на халкедонскомъ соборѣ онъ достигъ того, что епископу антиохійскому были ввержены двѣ Финикіи, Аравія и другіе отдаленные народы, а ему три Палестины; затѣмъ хотя папа св. Левъ отвергнулъ такое рѣшеніе и достигъ того, (что) постановленіе о власти осталось безъ послѣдствій, однако-же, по обычаю или вслѣдствіе злоупотребленія, эта власть іерусалимскаго епископа обратилась въ законъ. Извѣстно также и то, что знаменитый императоръ Константинъ Великій, по своему смиренію, уступилъ Римъ св. Сильвестру, самъ-же перенесъ столицу свою въ Византію, находящуюся во Фракіи и принадлежащую къ гераклійской митрополіи; и это также полезно знать, что вся Европа, слѣдовательно и Фракія, принадлежала къ частной римской патріархіи. „Слѣдовательно римскій (епископъ) владѣлъ всею Европой“ (говоритъ одинъ грекъ) и послѣ многого прибавляетъ: „владѣлъ Паннонією и всею Иллирикою, Македонією и

Оракією, въ которой была Византія и всѣми землями, далѣе лежащими къ западу; все это подчинялось римскому (епископу)⁴. Хотя *Русь и крещена патріархомъ константинопольскимъ, однако уже потому, что составляетъ часть Европы, влѣсть съ своимъ патріархомъ принадлежитъ къ римской епархіи, тѣмъ болѣе, что епископъ римскій есть общій патріархъ всего христіанскаго міра*, что я выше доказалъ.

Изложивши это, я обращаюсь къ главному. Когда, по перенесеніи императорской столицы, визавтійскіе епископы увидѣли блескъ императорскаго величія, славу римскаго сената, обиліе благъ для ихъ собственнаго престола, почести, воздаваемыя другимъ патріархамъ, имѣющимъ власть надъ многими епископами, обширность другихъ епархій, то, какъ душа человѣческая часто возбуждается завистію, они сами начали стремиться къ такому-же значенію при подстрекательстве врага, распространителя Зизаніевъ ¹⁾. Хотя по опредѣленію соборовъ и по повелѣнію государей (о которыхъ глубокое молчаніе) они, отложившись отъ гераклійскаго митрополита, сами сдѣлались архіепископами, не имѣя въ вѣдѣніи своемъ ни одного епископа, но это сдѣлалось или ради знаменитости столицы, или ради личныхъ заслугъ, или при посредствѣ и по назначенію государей. И только въ 382 году, т. е. спустя 62 года послѣ возвышенія епископа іерусалимскаго, опредѣленъ на второмъ вселенскомъ соборѣ третій канонъ: „епископъ Царьграда почитается послѣ римскаго“ и прибавлено латиняни и по-гречески, „потому, что Царьградъ есть Новый Римъ“; такъ говорятъ разныя греческіе авторы, но изъ многихъ другихъ можно заключить, что это *не постановленіе, а прибавленіе* послѣ собора. Между прочими доказательствами весьма важно и то, что Хризостомъ, жившій послѣ этого собора, будучи константинопольскимъ епископомъ и приглашенный на судъ Теофиломъ alexандрійскимъ внѣ своей епархіи, изложивши многія статьи въ свою защиту, ничѣмъ инымъ не защитилъ себя, какъ только никейскимъ соборомъ, который воспрещаетъ судить епископовъ внѣ ихъ епархій. Очевидно, что сказаннаго канона еще тогда не было, ибо, если-бы Хри-

¹⁾ Ζίζάνιον—плевань, ересь,—намекъ на современнаго Зизанія, противника уніа.

зостомъ зналъ, что оня *второй* (епископъ) послѣ римскаго папы, то однимъ словомъ опровергъ-бы Теофила: „ты не можешь судить меня, (потому что) я старше тебя“. Этотъ канонъ подтверждаютъ потомъ греки на халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ, послѣ отъѣзда послѣдъ папы св. Льва: „епископъ Нового Рима пользуется равною почестію съ епископомъ Старого Рима по причинѣ авторитета своего главенства; по сему первосвященники азіатскіе, аракійскіе и варварійскіе должны быть ставлены епископомъ константинопольскимъ“¹⁾. Услышавъ объ этомъ, упомянутые послы возвратились на слѣдующій день (на собраніе), сдѣлали возраженія и опротестовали (поставленіе), говоря: „если у васъ есть привиллегія вашей епархіи, такъ зачѣмъ объ нихъ хлопочете; если-же ихъ нѣтъ, то зачѣмъ ихъ выставляете для смущенія другихъ“. Вѣдь самъ Анатолій, примирившись со сказаннымъ папою, потомъ уничтожилъ этотъ канонъ. Наконецъ греки подтверждаютъ эту власть свою на трулльскомъ соборѣ²⁾ въ Константинополѣ такъ: „епископъ константинопольскій получаетъ одинаковую власть послѣ римскаго“³⁾ и этотъ частный соборъ наши греки присоединяютъ къ шестому вселенскому собору, какъ это подтверждаетъ Макарій Акирскій: „не смотря на то, что они этотъ соборъ, по словамъ патріарха Тарасія (въ рѣчи къ св. отцамъ седьмого собора, сообщаніе 4), составили черезъ 4 или 5 лѣтъ, по другимъ черезъ 10, по Теофанію, константинопольскому патріарху—черезъ 27 лѣтъ послѣ шестого вселенскаго собора“. Причину-же, по не сущности, этого присоединенія они оправдывали тѣмъ, что святые отцы не устанавливали канонѣвъ ни на пятомъ, ни на шестомъ вселенскыхъ соборахъ. (Но) вселенскіе соборы могутъ быть и безъ канонѣвъ; они собираются, какъ говоритъ папа св. Левъ, для

¹⁾ Въ другомъ спискѣ этого письма на поляхъ прибавлено по-славянски: Нового Рима епископъ епископу Ветзаго Рима равенъ честию царствія ради; почему епископы азіатскій, аракійскій и варварійскій епископомъ Константинограда да поставляются.—В. М.

²⁾ *Consilium Trullanum* въ 680 г. и при Юстиніанѣ II въ 692 г. получилъ названіе отъ *труллы*—залы во дворцѣ императоровъ, гдѣ онъ соби-рался.—В. М.

³⁾ Въ другой рукописи на поляхъ по-славянски: Константиногра(да) епископъ по ряметіямъ епископѣ равную пріятъ власть. Въ подлинникѣ: *Constantinopolitanae civitatis episcopus post Romanum aequalem accipit potestatem*.—В. М.

встребленія ереси и утвержденія католической вѣры. Къ тому-же пятый вселенскій соборъ, бывшій за 129 лѣтъ передъ шестымъ, и безъ канонъ имѣлъ свой непоколебимый авторитетъ: почему-же не могъ его имѣть и шестой? Все это они выдумали для того, чтобы своему частному трулльскому собору придать значеніе и авторитетъ вселенскаго собора. Кромѣ того на немъ не были епископы римскихъ странъ. Одинъ грекъ (Никита Никейскій) свидѣтельствуетъ: „однако-же, за отсутствіемъ римлянъ, каноны, которые называются канонами шестого собора, были обнародованы немного спустя, при Ринотметѣ (онъ-же Юстиніанъ¹⁾); съ этого времени стали появляться отпаденія римлянъ, что доказываютъ каноны 62, 64, 65, которые кажется не приняты римлянами и не подтверждены ихъ употребленіемъ“. Изъ сего слѣдуетъ, что трулльскій соборъ не имѣетъ авторитета вселенскаго собора. Подтверженіемъ сего служатъ слова св. Стефана, новаго мученика, сказанныя собору иконоборцевъ: „какимъ-же образомъ вы, отвергнувъ все святое, желаете признать этотъ соборъ священнымъ? О, безуміе! какимъ образомъ названъ будетъ вселенскимъ соборъ, на который не согласился римскій верховный святитель, безъ котораго церковныя дѣла не могутъ быть рѣшаемы“²⁾. Доказательствомъ служатъ также слова святыхъ отцовъ собора, направленные противъ иконоборцевъ: „какимъ образомъ онъ (соборъ) можетъ быть великимъ и вселенскимъ, если его не приняли и не одобрили представители другихъ церквей, а предали проклятію, ибо на немъ не было тогдашняго римскаго папы, ни его священниковъ, ни викаріевъ, и онъ не былъ созванъ ни его викаріями, ни окружающимъ посланіемъ, какъ этого требуетъ законъ о соборахъ“. Вслѣдствіе такихъ вышеизложенныхъ канонъ, не смотря на то, что по сему дѣлу были возраженія не только со стороны римской столицы, но и другихъ патрі-

¹⁾ Императоръ Юстиніанъ II названъ Ринотметомъ (урѣзаннымъ), такъ какъ за жестокость былъ свергнутъ съ престола, и соперникъ его Леонтій обрѣзалъ ему носъ и уши. Юстиніанъ вскорѣ завладѣлъ престоломъ вторично и наконецъ былъ казненъ. — В. М.

²⁾ По-славянски на поляхъ: како убо, сже святая отвергше, свѣтъ сей оставити хощете (соборъ). О безумствіа! Како в вселенскій наречетея, о немъ-же не благоволи римскій первосвященникъ, безъ него-же немощно церковная правити.

арховъ, обиженныхъ этимъ, столица константинопольская возвысилась среди другихъ въ патриархіи только на томъ основаніи, какое изложено въ сказанныхъ канонахъ. Алексѣй Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя это (основаніе), говоритъ: „такъ какъ этотъ городъ гордится и императоромъ и сенатомъ, то и получилъ главенство равное древнему Риму“ ¹⁾. Такое константинопольское главенство ²⁾ подтверждено только канонами и этимъ авторомъ, т. е. не властію данною съ неба, а временною силою. И такъ какъ онъ (патриархъ царьградскій) считается главою равнымъ римскому епископу, то является двѣ главы въ церкви Божіей! Прочь чудовище! Такъ какъ тотъ-же Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя слова: *post Romanum* (послѣ римскаго), говоритъ, что онъ былъ вторымъ послѣ римскаго *не по почету, а по времени* ³⁾, то слѣдуетъ, что церковь Божія, столько естъ лѣтъ тому назадъ Христомъ основанная, и не имѣя *двоухъ главъ*, была вполне совершенною. Напротивъ того, одинъ (Доксопатръ) говоритъ, что римская апостольская столица, вслѣдствіе перенесенія императорской столицы, лишилась и своего главенства: „такъ какъ городъ Римъ пересталъ быть императорскимъ и повелительнымъ, то, лишившись власти, онъ лишился привилегій и первенства, этотъ-же, т. е. Константинополь, какъ владѣтельный, пользовался властію и дѣйствительно престолъ епископскій владѣтельнаго града Константинополя остался первымъ, когда первый, т. е. Римъ пересталъ повелѣвать“. Тоже самое говорятъ и другіе греки. Но здѣсь какъ противъ Аристина, такъ и противъ Доксопатра и другихъ самъ собою напрашивается (прямо въ глаза бросается) человѣку такой выводъ: такъ какъ власть константинопольскихъ христіанскихъ императоровъ перешла теперь уже къ турецкимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и власть патриарховъ перешла къ духовнымъ турецкимъ и что церкви Божіей уже нѣтъ въ этомъ мірѣ, ибо нѣтъ ея главы: въ Римѣ нѣтъ, по мнѣнію его враговъ, а

¹⁾ На поляхъ по славянскя: понеже царствомъ и бодрствомъ почтенъ естъ градъ сей и равное пріятъ началство ветхому Риму.—В. М.

²⁾ Еп. Суша по невѣжеству или умысленію обходитъ вопросъ о томъ, что православная церковь принимаетъ главою своимъ только Іисуса Христа.—В. М.

³⁾ Яко не быти ему второму по римстѣмъ честію, по времечемъ (славянскетъ).—В. М.

въ Константинополѣ—въ силу столь очевиднаго доказательства! Такъ гдѣ-же она? Ахъ, до чего доходитъ мысль человѣческая, опираясь не на Бога и Его слова, а на слова и постановленія человѣческія! Изъ права даннаго свѣтскими властями и изъ жалпаго честолюбія явился ненужный титулъ константинопольскихъ патріарховъ и то, что они называются *экуменическими*, т. е. вселенскими пастырями. На сколько это справедливо, даже слѣпые могутъ видѣть. Всѣ наши греки, противники римской столицы, считаютъ Ахиллесовою силою своего первенства то, что глава церкви назначался и долженъ назначаться опредѣленіями отцевъ и императоровъ. Старые православные (католики) совершенно иное утверждаютъ и расходятся съ ними въ мнѣніяхъ, ибо они говорятъ, что первенство къ римскимъ епископамъ перешло не отъ святыхъ отцовъ, а отъ Господа Иисуса Христа черезъ св. Петра, не отъ христіанскихъ императоровъ по ихъ постановленіямъ, а еще до нихъ. Было-бы полезно здѣсь упомянуть, что случилось съ Павломъ Самосатскимъ, патріархомъ антиохійскимъ во время второго антиохійскаго собора, передъ первымъ никейскимъ. Святые отцы, между которыми былъ и нашъ св. отецъ, Григорій чудотворецъ, свергли съ престола этого Павла за то, что онъ представлялъ Иисуса Христа простымъ человѣкомъ. Тотъ упрямо не уступаетъ. Святые отцы обращаются къ императору Аврелію, милостивому къ христіанамъ, и получаютъ такой отвѣтъ, какъ мы видимъ изъ славянскаго текста: „Онъ-же (императоръ) велѣлъ римскому епископу, или тѣмъ, кому этотъ епископъ поручить, изслѣдовать, справедливо-ли онъ (Павель) изложилъ, и изгнать его изъ христіанской церкви, что и случилось“, какъ пишетъ Евсеій Памфилий. Здѣсь я останавливаюсь и спрашиваю, по какому праву (обращались) къ императору Аврелію... (конца нѣтъ) ¹⁾.

Сообщилъ В. Т. М—чь.

19 февраля 1883 г.

¹⁾ Р. S. Когда это письмо еп. Суши было уже переведено, я нашелъ отрывокъ другой рукописи, болѣе четкой, но безъ начала и конца, съ пометкою: *остального не достаеъ*. Въ этомъ новомъ спискѣ на поляхъ противъ соответственныхъ мѣстъ латинскаго текста помѣщенъ и славявскій переводъ, приведенный мною въ выноскахъ.—В. М.